

## ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ФР. ТРАВНИЧЕК

### ЗАМЕТКИ О «КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ»

Вопрос о «категории состояния», поставленный советскими учеными, возбуждает вполне понятный интерес языковедов-славистов. Но этот вопрос окончательно не решен. Не ставя своей задачей подробный разбор всех высказанных до сих пор доводов за и против «категории состояния», я хотел бы сделать несколько замечаний по поводу изложения этого вопроса в книге «Современный русский язык. Морфология»<sup>1</sup>, где «категория состояния» рассматривается как особая часть речи.

1. На стр. 397 о словах, принадлежащих к «категории состояния», говорится следующее: «Все слова данной группы характеризуются е д и н ы м з н а ч е н и е м — выражением состояния» (разрядка моя.— Ф. Т.). Это утверждение о едином значении слов «категории состояния» — понятно, лексическом — не вполне убедительно.

В первую группу слов «категории состояния» «Совр. яз.» включает безлично-предикативные слова на -о, выражающие «состояние природы», «состояние среды», «физическое состояние живых существ», «психическое состояние человека, например, эмоциональное», «интеллектуальное состояние», «состояние с модальной окраской» и «оценку какого-либо состояния, положения» (стр. 399—400). Рассмотрим отдельные группы этих слов.

О словах *весело, грустно, жалко, смешно, страшно, стыдно* можно, конечно, сказать, что они выражают эмоциональное состояние человека, но точнее будет сказать, что они выражают различные чувства (эмоции), т. е. переживания человеком своего отношения к тому, что он познает и делает.

Чувства (а не «физическое состояние живых существ») выражают и такие слова, как *противно, бодро, приятно, смутно, гадко*.

Среди слов, выражающих «состояние среды», «Совр. яз.» приводит слово *уютно*. (В номере было прибрано, *светло, уютно*). Обстоятельство в номере создает впечатление, что *уютно* относится к имени существительному *номер* и выражает свойство, состояние номера. Но на самом деле слово *уютно* выражает не свойства номера, а вызванное этими свойствами чувство говорящего (пишущего).

Слова *понятно, ясно, интересно* в «Совр. яз.» приводятся как слова, выражающие «интеллектуальное состояние»; на самом же деле они выражают понятия об общих свойствах предметов или явлений. Например,

<sup>1</sup> «Современный русский язык. Морфология. (Курс лекций)», под ред. В. В. Виноградова, М., 1952, стр. 394—404. Дальше принимается сокращение: «Совр. яз.»; в тексте указываются страницы этого издания.

в предложении *Ведь ясно, что они все взорвут* слово *ясно* выражает качество той обстановки, в которой протекает высказывание.

О ряде слов говорится, что они выражают «оценку какого-либо состояния, положения». Это противоречит утверждению, что слова, входящие в «категорию состояния», «характеризуются единым значением — выражением состояния». Ведь оценка состояния или положения — не то же самое, что само состояние. Кроме того, приведенные здесь слова — *рано, поздно, далеко, близко, широко, высоко* и др. — выражают не оценку состояния или положения, но временные и пространственные понятия.

Утверждению о едином значении «категории состояния» противоречат приведенные на стр. 401 слова *видно, слышно* как «выражающие зрительные и слуховые восприятия», т. е. не выражающие ни состояния, ни оценки состояния.

Таким образом, мы видим, что слова на -о не имеют общего лексического значения, что они имеют разные лексические значения.

2. К тому же заключению мы приходим и при разборе второй группы слов, включаемых в «категорию состояния», — «безлично-предикативных слов с формой существительного и наречия», выражающих «оценку состояния с морально-этической стороны», «с эмоциональной стороны», «с модальной стороны», а также «модально-волевые импульсы» (стр. 402—403). Здесь, во-первых, можно возразить, что оценка состояния — не то же самое, что состояние; во-вторых, что определение лексического значения этих слов как выражающих оценку состояния — неточно.

О словах *грех, стыд, срам, позор* говорится, что они выражают оценку состояния с морально-этической стороны; но точнее будет сказать, что они выражают чувства и в этом смысле не отличаются от слов *весело, стыдно*. Разные чувства, т. е. переживание человеком своего отношения к действительности и к собственной деятельности, выражают и слова *мужа, жаль, страх, ужас*, о которых сказано, что они выражают оценку состояния с эмоциональной стороны. О словах *пора (Пора идти домой)* и *время (Время поумнеть)* в «Совр. яз.» читаем, что они выражают оценку состояния с модальной стороны, а именно — «необходимость действия во времени» (стр. 402). Однако ясно, что они выражают не оценку состояния, а собственно понятие времени. В этом они сходны со словами на -о (*рано, поздно*), о которых упоминалось выше.

Слова *лень, охота, неохота, иссолия* рассматриваются как такие, «в которых выражаются модально-волевые импульсы»; здесь уже нет речи ни о значении состояния, ни о значении оценки состояния. Далее говорится, что категория состояния может быть выражена и словом, образованным из существительного в сочетании с предлогом: *неудогад, не под силу* (стр. 402—403); лексическое значение этих слов вообще не определяется.

3. Таким образом, как слова на -о, так и слова с формой существительного и наречия, объединяемые внутри «категории состояния», со стороны лексических значений не образуют единой и однородной группы. Положение о том, что они выражают состояние или оценку состояния, не подтверждается анализом лексических значений отдельных слов или рядов слов этой группы.

С другой стороны, слова *тепло, холодно, весело, уютно, стыдно, ясно, высоко, далеко, поздно, стыд, страх, ужас, пора, время* в тех случаях, когда они выступают в качестве слов «категории состояния», лексически не отличаются от слов *тепло, холодно, стыд, страх* и т. п., употребляемых как имена существительные или наречия.

Наречие *весело* выражает чувство так же, как и «безлично-предикативное слово» *весело* (ср. *Весело улыбнулся* и *В городе было весело*); имя существительное *время* в предложении *Время тянулось* выражает понятие вре-

мени так же, как и «безлично-предикативное слово» *время* в предложении *Время поумнеть*. Различие между ними — не лексического характера, а синтаксического: оно создается функцией слова в предложении.

На стр. 404 читаем: «По внешней соотносительности форм категория состояния совпадает с формой существительного: *грех, смех, грусть, тепло* и с краткой формой имени прилагательного среднего рода и наречия: *грустно, весело, покойно...* Эта соотносительность обусловлена, видимо, тем, что категория состояния вербовалась из указанных частей речи. Переосмысление значения и новая синтаксическая функция этих групп слов и объединила обезличенные предикативные слова в особую часть речи — категорию состояния».

Если безлично-предикативные слова образуют особую часть речи, то они должны обладать такими свойствами, которыми они отличаются от остальных частей речи, в особенности от существительных, прилагательных и наречий. Однако свойства слов «категории состояния», приводимые в «Совр. яз.», по моему мнению, не таковы, чтобы здесь можно было говорить об особой части речи: слова эти остаются именами существительными, прилагательными и наречиями.

4. «Совр. яз.» различает две главные группы слов, входящих в «катеорию состояния»: слова на *-о* — *весело, тихо, стыдно* и т. п. и слова типа *грех, страх, пора*. Обе группы называются безлично-предикативными словами; таким образом, в качестве объединяющего признака берется функция этих слов в предложении — предикативная. На стр. 394 говорится: «Слова, входящие в категорию состояния, служат в предложении сказуемыми». Это определение, по моему мнению, неточно, и эта неточность влечет за собой неправильное понимание обеих групп слов и с других точек зрения.

Несомненно, что во всех случаях, где встречаются слова, включаемые в «катеорию состояния», речь идет о безглагольных предложениях<sup>1</sup>. Типы безглагольных предложений многообразны, ср.: *Глупости; Пустяки; Пожар! Честное слово; Интересное лицо; Такая беда!* Обычны и предложения типа *Он здоров; Пушкин — великий русский писатель; Он далеко*. Последние предложения являются двусоставными. Их сказуемое выражает именем существительным, прилагательным или наречием то, что приписывается подлежащему как носителю определенного свойства, или же констатирует, что подлежащее находится в определенных обстоятельствах. Этим данные предложения отличаются от двусоставных глагольных предложений, сказуемое которых выражает действие, протекающее во времени и приписываемое подлежащему как носителю действия.

Безглагольные предложения типа *Пустяки; На сцене тихо* — односоставны. Единный член предложения (*пустяки, тихо*) наполняется здесь носителем функции целого предложения. Среди глагольных предложений мы находим односоставные предложения *Морозит; Горит; Стемнело; Дождило* и т. д. Глагол выражает здесь определенное действие просто как протекающее во времени, никому не приписываемое.

В односоставных безглагольных предложениях, так же как и в глагольных, нельзя говорить о сказуемом: сказуемое бывает только в двусоставных предложениях.

5. В безглагольных односоставных предложениях *На сцене тихо* и *Пора идти* слова *тихо* и *пора* по «Совр. яз.» являются «категорией состояния». Однако это понимание неубедительно. Мы видели, что эти слова выступают как единый член предложения, выражающий существование,

<sup>1</sup> Глагол *быть*, который в них иногда встречается (*Было весело*), является связкой. Синтаксическим ядром предложения здесь служит не этот глагол, а имя существительное, или прилагательное, или наречие.

наличие того, что они называют. Такие единые члены предложения есть и в безглагольных предложениях типа *Пустяки*, в которых имена существительные в полной мере сохраняют свое значение как данной части речи.

Здесь можно сослаться и на двусоставные безглагольные предложения типа *Он здоров* и *Пушкин — великий русский писатель*, где прилагательное *здоров* и существительное *писатель*, сохраняя свои категориальные значения, выражают наличие, существование так же, как и единые члены в односоставных предложениях.

Из этого видно, что функция в предложении слов *тихо* и *пора* сама по себе не может быть причиной их перехода в «катеорию состояния». Напротив, как раз имена существительные, прилагательные и наречия больше других слов способны выражать существование, наличие того, что ими называется.

Рассмотрим другие признаки, которые «Совр. яз.» приводит как свидетельства перехода имен существительных, прилагательных и наречий в «катеорию состояния».

6. В качестве специфического признака безлично-предикативных слов *нужно, должно, надо, можно, невозможно, необходимо* «Совр. яз.» указывает, что «эти слова почти всегда сочетаются с инфинитивом» (стр. 400), например: *Можно ли ему верить? Мне нужно видеть Павла Корчагина*. То же самое наблюдается у «безлично-предикативных слов» с формой существительного и наречия: *Грех утаить; Пора идти домой; Не под силу нам стоять* (см. стр. 402—403).

Сочетаемость с инфинитивом — очень интересное явление, но нужно помнить, что оно обычно и для имен существительных и прилагательных; например: *Пришла ей пора опомниться; Какое счастье во-время умереть; Мысль остаться пригодилась ей в голову; Я рад видеть вас<sup>1</sup>*. Поэтому невозможно сослаться на сочетаемость с инфинитивом как на особенность, составляющую характерную и специфическую черту «безлично-предикативных слов» и отличающую их от других частей речи.

Нельзя также сослаться на то, что «связка стала характерной приметой слов категории состояния и отстоявшимся синтаксическим признаком предикативных слов» (стр. 398). Связка обычна и в двусоставных предложениях типа *Он был здоров; Пушкин был великий писатель*, где имя прилагательное и существительное в полной мере сохраняют свои значения как данные части речи. Поэтому наличие связки в предложениях типа *На сцене было тихо* не может свидетельствовать о переходе наречия *тихо* в «катеорию состояния».

7. На стр. 397 говорится: «Категория состояния никаких слов не определяет в отличие от наречия и прилагательного, например: *И скучно, и грустно*» (имеется в виду, что наречие определяет глагол: *скучно рассказывает, грустно улыбнулся* и т. п.).

Наречие, определяющее глагол, является второстепенным членом предложения. Слово *тихо* в предложении *На сцене тихо* имеет иную функцию: это — единый член предложения, носитель функции целого предложения, выражающий наличие, существование того, что слово *тихо* обозначает своим лексическим значением. В этой функции, вполне естественно, слово *тихо* и не может определить другое слово так, как слово *скучно* определяет глагол *рассказывает*, т. е. не может быть второстепенным членом

<sup>1</sup> То же самое мы видим во всех славянских языках; например, в чешском: *Je čas jiti na dráhu* «Время идти на станцию»; *Je škoda o tom mluvit*, дословно: «Не стоит того об этом говорить»; *Jsem ochoten v t pomoci* «Я готов вам помочь»; *Je schopen to udělat* «Он способен это сделать». В древнечешском языке инфинитив в таких сочетаниях употребляется чаще, чем в современном: *Miesto jest dobré bydli* «Место хорошо для жилья»; *Chléb jest tvrd jísti* «Хлеб тверд для еды».

предложения. Таким образом, разница между *скучно* и *тихо* в предложениях с разной структурой касается различной функции этих слов в предложении, но не их значения как частей речи.

8. По «Совр. яз.» между наречиями и «категорией состояния» выявляется следующее различие: «... Большинство наречий, в которых нет лексического значения состояния, ...не могут стать сказуемым, например такие слова как: *медленно, быстро, громко, резко, поспешно, трусливо, храбро, коротко, длинно*, перейти в категорию состояния не могут» (стр. 401—402). Иными словами, перечисленные наречия не могут стать односоставными предложениями: нельзя сказать *Было медленно* и т. п. Однако из этого не следует, что те наречия, которые могут стать односоставными предложениями, перестали быть наречиями и переродились в «категорию состояния». Возможность и способность наречий выполнять функцию односоставных предложений зависит от их лексического значения; вполне естественно, что некоторые значения с этой функцией не совмещаются.

9. На стр. 397 читаем: «Категория состояния не согласуется, не управляется. Она может сочетаться со связкой. Распространяется она формами имен существительных и местоимений в дательном падеже без предлога, а с предлогами в родительном и предложном. Например: *Ему весело. Тебе стыдно... В лесу темно*». И далее: «Относясь к субъекту, категория состояния употребляется с субъектом только в дательном падеже, например: *Тебе стыдно. Вам было весело. Вам жаль*».

То, что слова «категории состояния» не согласуются и не управляются — вполне естественное следствие их функции в предложении. Однако это не является особенностью именно этих слов, ибо то же самое мы видим и в других безглагольных и глагольных односоставных предложениях (*Пустьки; Морозит* и т. п.). Поэтому отсутствие согласования и управления у слов *тихо, весело, жаль* и т. п. не свидетельствует о переходе их в «категорию состояния». Кроме того, общеизвестно, что дательный падеж субъекта встречается не только в односоставных безглагольных предложениях типа *Тебе стыдно*, но и в односоставных глагольных предложениях: *Мне хочется; Ей взгрустнулось; Мне худо спалось* и т. п. Следовательно, на дательный падеж в предложениях типа *Ему весело* нельзя ссылаться как на доказательство перехода слов *весело* и под. в «категорию состояния».

10. Из всего сказанного следует, что хотя «Совр. яз.» и приводит целый ряд особых признаков слов на -о, но среди этих признаков нет ни одного, который отличал бы эти слова от других частей речи настолько, чтобы можно было считать «безлично-предикативные слова» на -о особой частью речи.

Положение о том, что слова на -о образуют особую часть речи, существенно отличающуюся от наречий, часто вступает в явное противоречие с действительным синтаксическим характером этих слов. По «Совр. яз.» *весело* в предложении *Скакал весело и тепло* и предложении *Принимали нас тепло* являются наречиями, в то время как в предложении *У нас весело, тепло* — «категорией состояния», хотя в обоих случаях эти слова имеют обстоятельственное значение, т. е. выступают как наречия. Видеть в этом функциональном различии различие слов как особых частей речи — неправильно.

О наречном характере слов на -о в предложениях типа *На сцене тихо* прямо свидетельствуют и другие обстоятельства: во-первых, то, что эти слова сохраняют сравнительную степень; во-вторых, то, что они, как и другие наречия, могут определяться наречиями (*Очень жарко; Мне становилось ужасно весело* и т. д.).

11. Особую группу слов, входящих в «категорию состояния», образуют, по мнению «Совр. яз.», безлично-предикативные слова с формой существительного и наречия. Слов с формой наречия только два (*не под силу, невдогад*), так что их можно оставить в стороне. Выше мы видели, что слова с формой существительного имеют некоторые общие черты со словами на -о, но эти черты не свидетельствуют о принадлежности этих слов к «категории состояния». Обратим теперь внимание на их особые черты. Одна из них заслуживает особого внимания. Это — сочетаемость слов мужского и женского рода со связкой в форме среднего рода: *Ему стало еще больше жаль парня; Грех было смеяться; И охота было не слушаться*. Связка среднего рода свидетельствует о том, что родовое значение этих имен существительных ослаблено. Однако можно ли из этого сделать вывод, что эти имена существительные перешли в «категорию состояния»? Думаю, что это невозможно. Эти имена существительные имеют функцию единого члена предложения и выражают существование того, что они называют. Мы видели выше, что способность выражать существование, наличие чего-либо имеют имена существительные, прилагательные и наречия. В связи с этим напрашивается объяснение, что понимание этих имен существительных изменилось в рамках данных трех частей речи: имена существительные *грех, охота, жаль, лень* стали пониматься как наречия, поэтому и связка женского рода изменилась в связку среднего рода<sup>1</sup>.

Адвербиализация имен существительных произошла в русском языке и в других случаях. Ср. *правда (Это, правда, дорого, но красиво), раз, однажды, когда-то*. В других славянских языках наблюдается адвербиализация имен существительных в односоставных предложениях там, где в русском языке в настоящем времени имеется предложение без связки. Например, в чешском языке: *Je mně zima, bylo mně zima* «Мне холодно», «Мне было холодно» (*zima* = русск. *холод*). Об адвербиализации имени существительного *zima* свидетельствует не только связка среднего рода, но и то, что оно определяется не именем прилагательным, а наречием: *Je (bylo) mně velmi zima* «Мне очень холодно», «Мне было очень холодно». В значении «зимнее время» у слова *zima* адвербиализации не происходит; поэтому здесь глагол имеет форму женского рода: *Byla zima* «Была зима», и определение здесь выражено прилагательным: *Byla velká (tuhá, dlouhá) zima* «Была суровая (жесточая, долгая) зима»<sup>2</sup>.

12. Утверждение о переходе имен существительных в «категорию состояния» не имеет за собой достаточной аргументации. «Совр. яз.» исходит из предположения, что *Грех было смеяться* было личным предложением, в котором *грех* служило подлежащим. «Затем *грех* в силу своего лексического значения стал выражать этическое-моральную оценку — состояние, тем самым это слово переставало быть существительным...» (стр. 403).

<sup>1</sup> Акад. В. В. Виноградов в кн. «Русский язык. (Грамматическое учение о слове)» (М. — Л., 1947, стр. 417) приводит следующие параллельные конструкции: *Уже пора было уезжать // Пора была уезжать; Лень было заниматься // Лень была приниматься за уроки; Охота было спорить с ним // Охота была тебе с ним спорить*.

<sup>2</sup> Характерно, что подобное понимание слов и как существительных, и как наречий встречается в чешском языке также и у слов на -о; например: *Je velké teplo, chladno, sucho...* // *Je velmi teplo...* «Очень большая жара, холод, сушь...» // «Очень тепло, холодно, сухо». Связки в обоих случаях среднего рода, но когда слово понимается как существительное, то определение выражено именем прилагательным, при понимании слова как наречия — наречием. В первом случае мы имеем дело с субстантивацией кратких имен прилагательных на -о. Ср. и русск. *тепло* в функции имени существительного. В русском языке в односоставных предложениях типа *На сцене тихо* слова на -о выступают большей частью как наречия. Историческое изучение, может быть, показало бы, что и здесь в более древнюю эпоху они понимались как существительные.

Слово *грех*, несомненно, изменило в историческое время свое первоначальное значение; но дело не в том, выражает ли оно этическое-моральную оценку или что-нибудь другое. Нельзя согласиться с тем, что вследствие изменения лексического значения слово *грех* «переставало быть существительным». Перемены в лексическом значении сами по себе никогда не могут быть причиной изменения значения слова как части речи. Такое изменение может вызываться только грамматическими причинами, точнее — синтаксическими изменениями в структуре предложения. Повидимому, имя существительное *грех* в предложении *Грех был* под влиянием односоставного предложения *Грешно было* начало пониматься как наречие.

13. Акад. В. В. Виноградов обратил внимание на характерную черту безлично-предикативных слов на -о: «Некоторые слова этой группы приобретают... способность управлять винительным падежом прямого объекта<sup>1</sup>: *Мне нужно метр шелку; Было видно весь город; Слышно крик пелуха; Больно ноги*. По всей вероятности, здесь мы имеем дело с влиянием глаголов, со своеобразной вербализацией слов на -о. В односоставных предложениях формы *видно, слышно* начали пониматься в значении инфинитивов *видать, слышать* и под их влиянием укрепились конструкции типа *Видно город, Слышно крик*. По их образцу возникла конструкция с винительным падежом также у наречий *нужно* и *больно*.

Слова на -о, по своему происхождению являющиеся краткими формами имен прилагательных, первоначально сочетались с родительным падежом, который частично удерживается и до сих пор: *Мне нужно денег; Мне становилось стыдно и других, и самого себя*. Здесь можно провести параллель с *жаль*, которое по своему происхождению является именем существительным: *Ему стало еще больше жаль парня*. На архаичность этой конструкции указывает то, что она встречается в «Слове о полку Игореве»: *жаль бо ему мила брата Всеволода*.

В древнечешском языке наблюдается другой способ вербализации односоставных безглагольных предложений. Он заключается в том, что наряду с дательным падежом лица *Je mi strach*, буквально: «Есть мне страх» употребляется также винительный падеж *Je mě strach, smrt, div, hanba...*, буквально: «Есть меня страх, смерть, чудо, стыд». Проф. И. Зубаты в своих университетских лекциях объяснял это так, что номинальное предложение *Strach* понималось как глагольное, в значении «Страшит», и под влиянием этого возникли конструкции *Strach mě*, буквально: «Страх меня».

Результатом вербализации является то, что в древнечешском языке встречается *nelze* («нельзя») в значении «не может», и далее то, что из *nelze* произошли немногочисленные глагольные формы *nelžeme* «мы не можем» и прошедшее время *nelzelo* «было нельзя». Подобным образом возникла живая до сих пор форма восточнославянского прошедшего времени *trebalo* «было надо». В сербском языке существует также 1 е и 2 е лица множественного числа *trebamo, trebate*. Проф. Зубаты указывал на литовское *reikėjo* «было нужно», будущее время *reikės* «будет нужно», возникшее из имени существительного *reikis*, и на подобное греческое будущее время *χρήξει*, прошедшее *ἔχρηξ*.

Адвербализация безглагольных субстантивных предложений означает их слияние с безглагольными наречными предложениями. Этот процесс протекает внутри самих безглагольных предложений; нет ничего невозможного в том, что это слияние двух безглагольных типов в один наступило под косвенным влиянием глагольных предложений.

Вербализация означает прямое влияние глагольных предложений на

<sup>1</sup> «Русский язык», стр. 408.

предложения безглагольные. Она проявляется в том, что имена существительные, прилагательные и наречия безглагольных предложений воспринимают от определенных глаголов некоторые их признаки, характеризующие эти глаголы как часть речи. Степень вербализации может быть различна. В случаях типа *nelzeme*, *nelzelo* мы имеем дело с вербализацией в полной мере, с переходом имени существительного, прилагательного или наречия в глагол. Эта вербализация, однако, осуществилась только у некоторых слов и форм, и в ряде случаев язык от нее со временем отказался; так, в современном чешском языке нет ни *nelzeme*, ни *nelzelo*. В русском же языке такой полной вербализации, повидимому, вообще не происходило.

Другой характер носят конструкции типа русск. *Видно город* и др.-чеш. *Strach mě*. Имена существительные, прилагательные и наречия не приобретают здесь под влиянием глаголов новых форм, но вступают в иные сочетания, образуют новые конструкции: сочетания с родительным падежом (*Видно города*) и с дательным падежом (*Strach mi*) заменяются сочетаниями с винительным падежом. Изменение конструкции не касается характера этих имен существительных, прилагательных и наречий как частей речи.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что при решении вопроса о «категории состояния» нельзя обойтись без подробного изучения истории всех безглагольных предложений и без изучения современных диалектов славянских языков; сравнительный метод принес бы здесь ценные результаты. Я считал бы свою задачу выполненной, если бы мои заметки послужили поводом для дальнейшего изучения этого важного вопроса.